

Литература

1. Воейкова, М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка / М. Д. Воейкова. – М., 2011.
2. Воейкова М. Д. Семантика и морфология прилагательных на ранних этапах усвоения русского языка ребенком / М. Д. Воейкова // Проблемы онтолингвистики – 2009:

- Материалы международной конференции. – СПб., 2009. – С. 13–16.
3. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – СПб., 2007.
 4. Елисеева, М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы / М. Б. Елисеева. – М., 2014.
 5. Цейтлин, С. Н. Лингвистические этюды / С. Н. Цейтлин. – СПб., 2013

УДК 81'25

Е. С. Краснопева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л. А. Нефедова
Челябинский государственный университет

О ТЕНДЕНЦИЯХ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И НОРМАЛИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДНОГО ДИСКУРСА)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
«Русскоязычный переводной дискурс: эмпирический и теоретический аспекты изучения»,
проект № 15-54-00020*

В статье приводится описание результатов исследования глагола речи «сказать» в переводах на русский язык, основанного на корпусных данных. В работе находят воплощение количественный подход, включающий анализ данных сравнительного пользовательского корпуса, а также качественный подход, реализующийся в анализе более 1000 англо-русских би-текстов, отобранных в параллельном корпусе Национального корпуса русского языка. По итогам эксперимента делается вывод о присутствии тенденций нормализации и интерференции в рассматриваемом материале.

Переводоведение, переводной дискурс, переводческая интерференция, нормализация, переводческие универсалии, корпусное переводоведение.

The paper presents a corpus-based case study of the speech verb “skazat” in translations into Russian. The study employs both a quantitative approach, involving analysis of data gathered from a DIY comparable corpus, and a qualitative approach featuring analysis of over a 1000 English-Russian bi-texts drawn from the parallel component of the Russian National Corpus. Based on the results of the study, the author concludes that tendencies of normalisation and interference are both present in the translations under consideration.

Translation studies, translated discourse, interference in translation, normalisation, universals of translation, corpus-based translation studies.

Введение.

Универсалии перевода в зарубежном переводоведении определяются как черты, характеризующие переводные и отсутствующие в непереводах текстах. Указанные особенности при этом не являются результатом взаимного влияния языковых систем [7]. Для автора данного понятия, М. Бейкер, универсалии – это также дескриптивные конструкторы, рабочие гипотезы, требующие постоянной эмпирической проверки [6]. Если лингвистика универсалии призвана обнаружить черты, свойственные большинству языковых систем, то в качестве объекта изучения переводоведения универсалий, на наш взгляд, предстает переводной дискурс (термин Н. К. Гарбовского) [1], [2].

Первоначальный набор универсалий М. Бейкер – это симплификация (simplification), экспликация (explicitation); нормализация (normalisation/conservatism); языковое выравнивание (leveling out) [6]. Интерференция, в отличие от перечисленных выше тенденций, не имеет четкого общепризнанного ста-

туса универсалии. Переводческую интерференцию стоит отличать от лингвистической, поскольку первая «имеет не языковой характер, а дискурсивный» [2, с. 134]: переводчик находится в определенных рамках, и именно «конкретность и материальность, осязаемость формы оригинального текста по сравнению с абстрактностью системы переводящего языка в сознании переводчика вызывают переводческую интерференцию» [1, с. 16]. Г. Тури заключает рассматриваемое явление в один из законов перевода (Law of Interference), который гласит: при переводе феномены, определяющие организацию текста оригинала, чаще всего переносятся в текст перевода [10, с. 275]. Н. К. Гарбовский называет переводческую интерференцию основной причиной возникновения текстов особого типа, которые можно объединить в «переводной дискурс» [1]. По словам А. Мауранен, интерференцию необходимо рассматривать как универсальную тенденцию высокого уровня абстракции, потенциально реализующуюся при переводе в каждой языковой паре. Указанное положение строится

на гипотезе о том, что, несмотря на взаимное влияние двух конкретных языковых систем, переводы, генерируемые во всех возможных языковых парах, при сравнении с текстами непереводаемыми, все же имеют общие свойства [7].

Соглашаясь с А. Мауранен, переводческую интерференцию-процесс можно охарактеризовать как детерминанту свойств переводного дискурса, существующего в определенном дискурсивном пространстве. Заметим, в качестве детерминант переводного дискурса, т.е. условий, определяющих его свойства, мы рассматриваем особенности мыслительных операций в ходе перевода-процесса, а также прагматическую составляющую прототипической коммуникативной ситуации, в ходе которой порождается переводной дискурс (данная ситуация следует за первичной коммуникативной ситуацией, в рамках которой осуществляется взаимодействие переводчика и автора оригинального сообщения). На наш взгляд, именно благодаря данным детерминантам вне зависимости от характеристик языковой пары во всех переводах проявляются потенциально универсальные характеристики, которые можно наблюдать при сравнении переводных текстов и текстов, изначально написанных на языке перевода.

Основная часть.

Рассуждая о явлении интерференции, Н. К. Гарбовский приводит следующий пример: «Анализ текстов художественных произведений, созданных на английском языке, показывает, что для сопровождения реплик персонажей в диалогах английская дискурсивная норма отдает явное предпочтение глаголу to say... Известно, что русский художественно-литературный дискурс предполагает значительную вариативность в употреблении глаголов речи, сопровождающих и комментирующих реплики персонажей в диалогах художественных произведений ...» [1, с. 16]. Логично предположить, если при анализе би-текстов на предмет особенностей перевода глагола to say будет преобладать прием калькирования, то данный факт будет служить подтверждением проявления интерференции. Широкая же вариативность в переводах будет говорить о нормализации: влияние принимающего языка и культуры на переводчика может быть настолько велико, что он будет склонен использовать более употребительные, знакомые русскоязычному читателю конструкции вместо калек с языка оригинала, т. е. в данном примере – использовать больше вариантов глаголов речи.

Нормализация изучается как на примере одноязычных сравнительных корпусов, так и на примере двуязычных параллельных корпусов. Мы предприняли попытку проследить, какая тенденция – интерференция или нормализация – более ярко проявляется в русскоязычном переводном дискурсе на примере употреблений глаголов речи, обратив особое внимание на глагол «сказать». На подготовительном этапе использовались данные пользовательского тестового сравнительного корпуса (ПТСК), свойства первоначальной версии которого описываются в [3]. В дальнейшем корпус был переработан и дополнен компонентом, состоящим из переводов на русский язык, –

современной художественной прозой жанра роман с немецкого, испанского, французского, японского, португальского, чешского и итальянского языков на русский. Таким образом, ПТСК на сегодняшний день состоит из трех подкорпусов: указанного ППТР (переводы с разных языков на русский, 10 произведений, 652 318 словоупотреблений), ППТА (переводы с английского языка, 12 произведений, 721432 словоупотреблений), и ПНТ (непереводаемые тексты, 10 произведений, 864958 словоупотреблений).

Взяв за основу предположение Н. К. Гарбовского о большей вариативности в употреблении глаголов речи в аутентичных текстах на русском языке, мы проанализировали частотные списки лексических единиц, полученные по методу П. Рейсона и Р. Гарсайда [9]. При сравнении списков ПНТ/ППТА, а также ПНТ/ППТР ясно, что «сказать» преобладает в подкорпусах переводов. Данный факт потенциально может служить показателем интерференции в переводе, на которую указывает Н. К. Гарбовский.

Причиной появления рассматриваемого глагола речи в переводе может быть не только калькирование английского to say: это может быть как нормализация, так и индивидуальное предпочтение переводчика. Мы обратились к компоненту корпуса параллельных текстов Национального корпуса русского языка [4] (КоПарТ НКРЯ) (11 произведений современной художественной прозы жанра роман, переводы с английского языка на русский, 1770365 словоупотреблений) для проведения качественного анализа.

На первом этапе работы используем сравнительно-сопоставительный анализ би-текстов отобранного компонента КоПарТа по запросу «сказать», чтобы определить, всегда ли использование настоящего глагола является результатом интерференции. Всего по указанному запросу найдено 3586 вхождений, из них проанализировано 50 случайных в каждом из произведений указанного компонента корпуса. Из рассмотренных 550 примеров в 361 (66 %) наличие в тексте оригинала глагола to say подталкивает переводчика на использование глагола «сказать». Таким образом, исходя из первоначального набора данных, предположим, что интерференция в рассмотренных переводах присутствует.

На втором этапе анализа мы обратились к материалам КоПарТа, чтобы выяснить, какие варианты переводчик чаще использует при переводе глагола to say, и всегда ли интерференция является движущей силой в его действиях. В 11 отобранных документах найдено 6961 вхождение по запросу “say” (осуществлялся поиск всех форм слова say, says, saying и said). Отсмотрено 660 случайных контекстов конкордансов каждого из произведений обозначенного компонента КоПарТа. На рисунке графически изображено соотношение количества использованных в би-текстах вариантов перевода.

Исходя из количественных данных, в рассматриваемой выборке форма текста оригинала не является ключевым фактором, определяющим форму переводного текста. Только в одном из переводов формы «сказать» преобладают. В 10 остальных текстах интерференция проявляется не так сильно по сравне-

нию с влиянием норм дискурсивного пространства принимающей культуры.

Рисунок. Соотношение количества употреблений вариантов перевода в параллельных конкордансах КоПарТа по запросу "say"¹

Например, в переводе А. Ставиской произведения «Липовый лифт» Лемони Сникет, обозначенном на диаграмме номером 5, в 60 проанализированных би-текстах вариант «сказать» используется 19 раз (32 %), а иные варианты перевода – 41 раз (68 %) (среди них: импликация (13); буркнуть (1); вздохнуть (1); воскликнуть (2); восхищаться (1); выпалить (1); добавить (1); думать вслух (1); крикнуть (1); ответить (5); подхватить (1); поспешить заверить (1); пробормотать (1); произнести (3); признать (1); признаться (1); раздаться (о голосе) (1); спросить (1); связвить (1); ухмыльнуться (1); часть устойчивого словосочетания (1) (say good afternoon – пожелать доброго дня)).

Приведем ряд проанализированных би-текстов. Нормализация в противовес интерференции проявляется в отказе переводчиком от использования формально совпадающей конструкции с глаголом «сказать» в пользу иной конструкции. В Примере 1 из более широкого контекста переводчик восстанавливает дополнительное значение глагола речи, тем самым конкретизирует значение глагола и добавляет дополнительное значение, ясное ему как реципиенту в первичной коммуникативной ситуации.

Пример 1. Not many children could [say] they remembered the day they met their father, but Vittoria Vetra could. She was eight years old, living where she always had, ORFANOTROFIO DI SIENA, a Catholic orphanage near Florence, deserted by parents she never knew. (D. Brown. Angels and Demons (2000), НКРЯ) [4]. / Мало кто из детей может [похвастать] тем, что точно помнит день, когда впервые увидел своего отца. Виттория Ветра была именно таким исключением из общего правила. Ей было восемь лет. Брошенная родителями, которых она не знала, девочка жила в «Орфанотрофио ди Сьена» – католическом сирот-

ском приюте близ Флоренции (Д. Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004), НКРЯ) [4].

Часто используются глаголы «спросить», «ответить», «начать», «закончить»: осуществляется экспликация структуры диалога. В большинстве рассмотренных контекстов восстановление значения глагола речи из окружающего контекста под влиянием дискурсивных норм принимающего языка является проявлением тенденции экспликации. Текст становится более прозрачным и ясным для читателя.

Пример 2. He gazed absently through the bay window. ... As an odd combination of fear and exhilaration settled over him, Langdon knew he had no choice. "You win," he [said]. "Tell me where to meet the plane." (D. Brown. Angels and Demons (2000), НКРЯ) [4]. / Он рассеянно посмотрел в окно. ... Лэнгдона охватило странное смешанное чувство безоглядного восторга и гнетущего ужаса, и он понял, что выбора у него нет. – Ваша взяла, – [сдался] он. – Объясните, как мне найти ваш самолет (Д. Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004), НКРЯ) [4].

Влияние принимающего дискурсивного пространства может наблюдаться как в применении более узальных выражений, так и в опущении глагола речи в тех ситуациях, в которых переводчику как носителю языка его употребление кажется избыточным. В противовес тенденции интерференции мы обнаруживаем использование импликации, т.е. опущения глагола речи, компенсируемое свойствами узкого контекста, в особенности при оформлении диалогической речи. Наблюдается и импликация иного рода: переводчик трансформирует высказывание, содержащее глагол to say, в выражение, где описание действия отсутствует, перевод осуществляется с опорой на широкий контекст.

Пример 3. She had to flee. If she confronted him with the truth...he would find some way to explain it, to convince her that he didn't really believe [what he'd said], that he did really love her. (M. Lee. Fugitive Bride (1998), НКРЯ) [4]. / Она должна бежать. Если она скажет ему правду о подслушанном разговоре, Джерард найдет способ все объяснить. Убедит ее, что не имел в виду их [отношения], что на самом деле любит ее (М. Ли. В любви все средства хороши (М. Авдокушина, 2000), НКРЯ) [4].

В некоторых случаях вербализуются не присутствующие в оригинале параязыковые элементы. По словам К. Норд, выбор конструкций, с помощью которых автор литературного произведения описывает паравербальное поведение героев в данной коммуникативной ситуации, всегда неслучаен [8, с. 107–108]. В реальной коммуникативной ситуации участникам общения нет необходимости находить форму для названия параязыковых средств, используемых в общении (темп речи, тембр, артикуляция и пр.). Именно поэтому все используемые средства для их вербализации – продукт воображения автора. Переводчик в первичной коммуникативной ситуации старается интерпретировать внутренний коммуникативный акт (термин К. Норд), описываемый в литературном произведении с учетом цели общения во внешней коммуникативной ситуации. При этом на него воздействуют все детерминанты свойств пере-

¹ Примечание: Индексы на горизонтальной шкале диаграммы условно обозначают произведения, отобранные в КоПарТе для анализа. Значения на вертикальной шкале (от 0 до 100 %), а также на полях диаграммы в процентах обозначают долю встретившихся вариантов перевода глагола to say («сказать» или иных вариантов) в 60 проанализированных би-текстах каждого произведения.

водного дискурса. В результате в прототипической коммуникативной ситуации переводчик передает параязыковые средства в той форме, в которой они отразились в его воображении (ср. замена to say на «пробормотать», «выпасть», «воскликнуть», «прошептать», «прошептать», «прорычать», и др.).

Уместно в этой связи привести слова Я. И. Рецкера: «Сопоставление переводов с любого из западноевропейских языков на русский показывает, что ... вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные русские слова. Наряду с более ярко выраженной экспрессивностью русская лексика отличается большей конкретностью...» [5, с. 133], далее исследователь приводит цитату из работы В. Г. Гака: «Выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование – один из законов словоупотребления» [Цит по: 5, с. 133]. Данное явление Я. И. Рецкер именует экспрессивной конкретизацией, в рассматриваемом нами контексте данное явление будет иллюстрировать тенденцию нормализации.

Выводы.

На наш взгляд, представленные данные являются ярким примером того, что рассматриваемые универсальные тенденции, нормализация и интерференция, сосуществуя, создают облик переводного дискурса. Несмотря на то, что переводчик склоняется к использованию разнообразных конструкций при переводе глагола to say, треть вариантов приходится на глагол «сказать». Анализ би-текстов по запросу “say” показывает, что влияние узкого контекста зачастую слабее влияния контекста широкого, проявляется нормализационная тенденция. Изучение конкордансов по запросу «сказать» позволяет рассуждать о присутствии интерференции в переводном дискурсе: рассматриваемый глагол все же в большинстве случаев используется переводчиком под влиянием узкого контекста. Обратим внимание на обнаруженные тенденции, однако не будем забывать, что свойства отдельной выборки не всегда отражают свойства генеральной совокупности, т. е. русскоязычного переводного дискурса в целом.

В заключение отметим, что обращение к корпусной методологии в переводоведении объясняется желанием исследователей иметь объективное подтверждение выдвигаемых гипотез, таких как, напри-

мер, гипотезы о потенциально универсальных свойствах переводов. Введение в терминологический аппарат переводоведения понятия «переводной дискурс» переводит исследования универсальных свойств переводов в когнитивно-дискурсивную парадигму, обозначая обусловленность потенциально универсальных свойств перевода параметрами прохождения перевода-процесса – от характеристик операций, проходящих в «черном ящике», до объективно наблюдаемых характеристик коммуникативной ситуации, в которой принимает участие переводчик.

Литература

1. *Гарбовский, Н. К.* Перевод и «переводной дискурс» / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. – 2011. – №4. – С. 3–19.
2. *Гарбовский, Н. К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность / Н. К. Гарбовский // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы III Международной научно-практической конференции «Язык и культура в зеркале перевода» 25–29 апреля 2012 г. – 2012. – С. 130–136.
3. *Краснопеева, Е. С.* Характеристика особенностей русскоязычного переводного дискурса с позиций корпусного переводоведения / Е. С. Краснопеева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – № 3. – В печати.
4. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
5. *Рецкер, Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер; дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – М., 2007.
6. *Baker, M.* Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications / M. Baker // Text and Technology: In honour of John Sinclair. – Not in series, 64. – Amsterdam : J. Benjamins, 1993. – P. 232–250.
7. *Mauranen, A.* Corpora, universals and interference / A. Mauranen // Translation universals : Do they exist? – Amsterdam : J. Benjamins, 2004. – P. 15–33.
8. *Nord, C.* Alice Abroad. Dealing with descriptions of paralinguage in literary translation / C. Nord // Nonverbal Communication and Translation: New Perspectives and Challenges in Literature, Interpretation and the Media / ed. F. Poyatos. – John Benjamins Publishing, 1997. – P. 107–129.
9. *Rayson, P.* Comparing Corpora using Frequency Profiling / P. Rayson, R. Garside // Proceedings of the workshop on Comparing Corpora, 2010. – Association for Computational Linguistics, 2010. – P. 1–6.
10. *Toury, G.* Descriptive Translation Studies – and beyond / G. Toury. – Amsterdam ; N.Y., 1995.